

ОППОЗИЦИЯ «НАДО»-«МОЖНО» В РАННЕЙ ПРОЗЕ А.БИТОВА Пестова О.Н.

«Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь. Вернее не надо, а можно писать всю жизнь: Пиши себе и пиши. ты кончишься и она кончится. И чтобы всё это было правда, чтобы всё - искренне», - так начинается рассказ А.Битова «Автобус».

В этих строках, на наш взгляд, заложены все главные, концептуально важные для рассказа образы, оппозиции, задан ракурс видения героем себя, других, жизни в целом. В начале рассказа важно все, каждое слово, каждое уточнение, семантически нагружен синтаксис.

Хорошо бы... сослагательность первого высказывания – знак нарушенной гармонии существования, самотождественности и, в контексте рассказа, отклонения героя от Нормы.

Уже в начале рассказа мы сталкиваемся со своего рода парадоксом: главный герой, размышляя о желанной книге («хорошо бы начать...»), в действительности уже пишет ее. Перед нами попытка искреннего письма, фиксация рождения текста здесь и сейчас. Об этом свидетельствует синтаксическое построение фраз: постоянные сбои в повествовании, уточнения, парцелляции, часто ассоциативная связь эпизодов.

Искренность – требование не только к тексту, но и к жизни. В рассказе вычленяется противопоставление истинного/искреннего–ложного. Так, герой замечает лица девушек, зашедших из филармонии в автобус. Их лица одинаково возвышенные, недостижимо-прекрасные, похожие на ту самую актрису, которую они только что видели в образе Царицы. «Но вот, бедная, закапал нос...и вся независимость спадает с её лица». Или фрагмент встречи с генералом: «И вижу- там генерал. Да не просто- две звёздочки. И вдруг- странное дело -я каким-то волчком завиваюсь, ...а голос дрожит гаденько-гаденько...и поза вся неестественная: скорченная и слюна чуть не капает». «и вдруг понимаю:что же это я, я же терпеть генералов не могу, чины ненавижу...».

Вернемся к образу Настоящей книги. Желанную книгу пишет сама жизнь, создавая бесконечное множество сюжетов, перипетий. Настоящая книга противопоставляется традиционной с её рамками: жанровыми, композиционными.

«Написать бы книгу без композиции, без языка, без всех этих фокусов... Ведь есть же что-то самое важное. Главное, так сказать. Как бы обойтись без этого, оставив самую суть?»; «Пиши себе и пиши. Ты кончишься и она кончится. И чтобы всё это было правда, чтобы всё - искренне».

Так задается важнейший эстетический и ценностный ориентир - искренность. Традиционный автор-творец лжец не потому, что он кривит душой, а потому, что предлагает выдуманный мир, моделирует. Избежать неискренности возможно, передоверив функции автора самой жизни. Желаемая книга – книга непрерывно пишущаяся, в которой главное не результат, а процесс. Попытка «записывать» за жизнью порождает фрагментарность текста. Часто повторяющиеся слова «едет», «иду», «спешу» будто «подгоняют» повествование. Герой торопится, хочет успеть записать всё, что с ним произошло, ничего не упустить. Вот он видит двух старых женщин, замечая их худые старые ноги в чёрных чулочках; пьяницу, сунувшего мимо кармана только что купленную бутылку вина, выражение его лица; ребёнка, наблюдавшего за воробьём.

В образе идеальной книги отражается ряд постмодернистских установок. Во-первых, это установка на децентрацию. Настоящая книга – книга без центра. В ней нет Автора – носителя некой интенции, в ней также нет заданного конфликта, композиционного центра, кульминации. Вторая постмодернистская мета – провозглашение смерти автора. Эта постструктуралистская метафора используется для обозначения децентрированности фигуры автора в постмодернистском тексте, устранения ее в качестве надтекстового центрирующего начала. По словам Р. Барта, присвоить тексту

Автора значит «застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо». Герой рассказа пытается оказаться в статусе записывающего, или скриптора, в терминологии постмодернизма. Скриптор – децентрированная, деперсонализированная, а-психологизированная «стадия автора», который рождается одновременно с текстом и существует только в письме.

Отказ от авторства, статуса творца в рассказе – вариант борьбы с властью стандарта, нормы, форма свободы.

Конфликт свободы-несвободы – главный в рассказе, словесно он реализуется в последовательно повторяющейся паре «надо – можно». Впервые она появляется в начале текста: «...надо писать всю жизнь. Вернее, не надо, а можно писать...». Уточнение, вводимое автором, концептуально важно. Неслучайно слово «надо» появляется первым, это имплицитная характеристика героя, чье сознание формировалось в обстоятельствах главенствующей Нормы, «Надо». Сдвиг в сторону «можно», в сторону освобождения и осознания образует сюжет рассказа.

В первой части рассказа герою постоянно куда-то и что-то срочно надо: «сделать надо», «надо бежать...нужен 49-ый». А затем: «надо одно, а хочется другого», «мне куда-нибудь очень позарез надо, ужасно надо сделать...а мне удивительно не охота», «Кто мне объяснит, что это так уж обязательно надо-то, что ты делаешь?», «Хотелось бы...чтобы ничего я не был должен».

Герой рефлексивен, он рефлексирует свою непохожесть на других «не в фазе», не как все. Он моделирует и в мыслях проживает другие сюжеты: «а что я буду делать, если мы сейчас полетим в воду?», «и почему бы не свернуть в другую сторону?»; отделяет себя от других: «автобус...м.ж. все читают...и я стою **над** ними...и вижу их затылки и раскрытые книги...»; «нет, с меня хватит...вы ни черта не понимаете! И не смотрите друг на друга!». Однако освободившись мысленно от привычного движения вместе со всеми, герой не выдерживает позицию инаковости: «и жалко пальто,...оно совсем новое. И ботинок» или «хорошо также варить варенье и ставить дату...составить банки в ряд, описать». Вновь сознание возвращается в обычное русло, где царствует порядок, обычная закономерная жизнь, без всплесков и резких поворотов.

Автобус – образ, который обладает в рассказе признаками хронотопического.

-автобус – соединительное звено между надо и надо. здесь появляется двойственный образ автобуса. С одной стороны это часть жизни, в которой надо ехать, с другой-место, где герой чувствует некую свободу от надо, и его сознание в какой-то степени тоже свободно. Оно движется вместе с автобусом. Автобус постоянно движется-не стоит на одном месте. Именно в автобусе герой думает, о аварии, отделяет себя от остальных людей. «я всегда, когда еду через мост в автобусе, думаю, что буду делать, если сейчас мы полетим в воду? ...пока все там гибнут в автобусе, но я вынырну». «Кстати, почему это я всё придумываю в автобусе? Не додумались ещё, что-бы в одну секунду перелетать от дела к делу. Ехать надо. Совершенно законная свобода». В автобусе он так сказать записывает в воображении Настоящую книгу.

-закольцованность маршрута коррелирует с мыслями о повторяемости. Мысли героя о Новом годе. «новый год. Я еду в автобусе...старое забыто-начинается новое...и новые года идут один за другим...и ты едешь едешь в автобусе встречать и встречать новый год...». автобус как символ повторяемости...какой-то неизбежности. автобус-как символ общности. Одинаковости??? «а с кем-то несправедливо поступили...потерял все деньги...кто-то встречает новый год в поле...в тюрьме. Они не едут в автобусе. А мы себе едем и едем. Всё встречаем и встречаем новый год за новым годом». Герой задумывается о других вариантах...но это только в его сознании, на деле же он ничего не меняет...всё едет и едет в автобусе встречать. Возможно показано некое смирение героя...это уже практический конец рассказа.и мысли...что всё циклично, неизбежно, из года в год. Но не более. Герой не выходит из автобуса?

«Не додумались ещё, что-бы в одну секунду перелетать от дела к делу.»-автобус как совокупность и пространства и времени свободы для героя. В неё время не властно над тобой. Вся вина за несделанность снимается, если ты едешь в автобусе и опаздываешь или падаешь в реку.

«Надо» - закон повседневности. «Можно» - протест. В противоборстве двух начал побеждает первое. Надо как метафизическая сила словесно материализуется в финале рассказа. Мы слышим реплики: «Кто это у нас такой маленький авторчик. кто это такой несознательный, недооценивающий. Всё пишет и пишет..ах ты сладенький. Что же ты не то пишешь? Что же ты извращаешь? Ах ты негодненький! говоришь, искренне надо? ах ты сволочь, мракобес!я то тебе верил,гад!скоро праздник, мы будем демонстрировать свою мощь, а ползучие гады будут высовывать свои жала...».

Отсутствие образного воплощения позволяет также предположить, что эти голоса/суждения/угрозы – порождение сознания самого героя, еще не обретшего цельности свободной личности, в котором подчинение закону, норме живо и сильно: ««и действительно, кому хочется быть ползучим гадом и высовывать своё жало?»». «вот сейчас приеду домой, всё приберу, выброшу всё ненужное, одену чистую рубашку..... и начну жить сначала. И в голове тоже порядок наведу. Все негодные мысли отброшу. выкину их негодяек. ...стану жить по режиму...делать зарядку..и каждый день бегать вокруг сада».

Комментария требует финальная часть рассказа: «а когда после всего этого я стану абсолютно свободен...». Свобода в данном контексте ложная, это свобода от осмысления. «...я поеду за город..лягу на полянку и буду долго долго смотреть в небо. Всю жизнь»». Ракурс виденья героя обретает иное направление. Если в начале он смотрел вперёд, ехал в заданном пространстве, всматривался в жизнь, вдруг замечая незначительные прежде детали, то теперь выстраивается вертикаль, которая обладает в контексте финала символикой не вечности, безграничности кругозора, а потерю способности видеть подробности мира.

Поражение духовное сопрягается с осознанием невоплотимости идеальной книги: «И самое смешное-допустим это начало такой книги,то,что я пишу,самое смешное-напишешь,-и окажется и композиция,и язык(развязка,завязка,метафора)и вся литература налицо.Деться тут некуда». Текст всегда адресован. Читатель является одной из текстопорождающих установок. А значит неизбежно вмешательство в текст, создаваемый жизнью.